

М. В. Бибиков

РИМСКИЕ ТРАДИЦИИ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР В ВИЗАНТИИ

Год назад мы простились с большим другом и коллегой — профессором Санкт-Петербургского университета, много лет исполняющей обязанности заведующего кафедрой истории Средних веков, известным византинистом Галиной Евгеньевной Лебедевой. Вся ее жизнь, начиная со студенческих и аспирантских лет, все ее должности в университете — от лаборанта до заведующей — были связаны с ее родной кафедрой. Ученица крупнейшего ленинградского специалиста по ранневизантийской истории Г. Л. Курбатова, она профессионально и тематически не изменяла в течение всей жизни выбранной любимой проблематике — социально-экономической и правовой истории ранней Византии. Г. Е. Лебедева всегда была признанным авторитетом в области ранневизантийского права, эволюции социальной структуры позднеантичного и ранневизантийского общества. К сфере ее интересов относились и историографические и источниковедческие исследования по истории отечественного византиноведения, когда в результате архивных поисков выявлялись новые сведения об ученых-византинистах давнего и недавнего прошлого. Галина Евгеньевна всегда по-матерински заботилась о своих многочисленных учениках (впоследствии ставших докторами и кандидатами наук), творчески мыслящих молодых студентах и аспирантах. Ее книги и многочисленные статьи навсегда остаются в золотом фонде нашей науки.

© М. В. Бибиков, 2022

Византийская цивилизация, будучи по определению А. Гейзенберга «христианской Римской империей греческой нации»¹, в своих представлениях о власти изначально унаследовала традиции римского цезаризма, эллинистической культуры словесного выражения идеи величия и эвтаксии монархического мироустройства и ближневосточной христианской концепции воплощения господства Царя Небесного в автаркии власти царя земного.

Сказав «византийская», должны будем оговориться: конечно, современники не знали таких категорий, как «византийское государство», «византийский император» или «византийская культура». В привычном для нас смысле о Византии стали говорить уже на пороге Нового времени. Так стали называть государство и его культуру, основанное на территории Восточной Римской империи Константином Великим, который перенес столицу империи из Рима в город на Босфоре, называвшийся Византием. Этот город, как известно, был им выбран еще в 326 г. в качестве новой резиденции и столицы и затем был переименован в Константинополь.

На первый взгляд, Византия получила почти готовой эллинистически-христианскую модель государственной верховной власти и народных ассамблей. Византийцы, начиная счет «своих» императоров с того же Константина, вели свой учет последовательности эсхатологических царств — после Вавилонского (как вариант — Ассирийского), Персидского, Эллинского (вариант — Македонского) и Римского², — следовала эпоха «царей христианских» («константинопольских»).

Византия унаследовала римскую официальную императорскую титулатуру, причем, как республиканской архаики (*consul* — ὑπάτος, *pontifex maximus* — ἀρχιερεὺς и др.), так и собственно императорской эпохи (*augustus* — αὐγουστος, *imperator* — αὐτοκράτωρ, *caesar* — καίσαρ с начала VII в., βασιλεὺς — с начала того же века — главный императорский титул, *dominus* — δεσπότης, κύριος). В византийской действительности актуальными были и категории античной полисно-муни-

---

¹ Heisenberg, A. Die Byzantinistik nach dem Weltkrieg und ihre Ziele, in: *Actes du IIIe Congrès International des Etudes Byzantines*. Athènes, 1932. P. 66–72.

² Podskalsky, G. Byzantinische Reichseschatologie. Die Periodisierung der Weltgeschichte in der vier Grossreichen (Daniel 2 und 7) und dem Tausendjährigen Friedensreiche (Apok. 20). München, 1972.

ципальной системы. Функционировал «римский сенат» — ромейский синклит. Сенат (синклит) был фактически совещательным и конституирующим органом власти: мог, например, объявить войну, ратифицировать международные соглашения, даже утвердить избрание нового императора, хотя все это чаще делалось без всякого сената. Все свободное население делилось на сословия, высшим из которых было сенаторское. В торжественных церемониях участвовали представители «димов» — цирковых партий (венетов, прасинов и др.): тексты их славословий сохранились даже в XII в. (например, у Феодора Продрома)³.

Правда, довольно быстро многие из принятых титулов подверглись переосмыслению. Так, титул верховного понтифика, в качестве которого как покровителя всех религиозных культов председательствовал на I Вселенском Соборе Константин, не переживший времен Грациана, получил исключительно церковно-административный статус, перейдя затем в «собственность» Папы Римского, так же как и «архиерей» становится термином, применимом к патриарху, митрополиту или архиепископу, а затем — вообще к иерарху. А «ипат», став титулом членов синклита, где ипаты стояли ниже даже спафариев и спафарокандидатов, по крайней мере, не позднее XI в. становится университетско-профессорской должностью: Михаил Пселл был «ипатом философов», т. е. своего рода деканом философского факультета Константинопольского университета. Термин «консул» сохранялся вслед за эллинизацией публично-правовой сферы до начала IX в. (кстати, «проконсул» не пережил и IV в.). «Вечный август», твердо усвоенный Константином, удерживается в официальных актах лишь до начала VI в. «Севаст» со временем становится придворным титулом, элитарным, но не самого высокого ранга (севаст ниже «кесаря»), а в X–XI вв. титул «разменивается» на разного рода полутитулы-полупочетные должности — севастофоров (как правило, евнухи, провозглашавшие новых императоров), севастократоров (при Комнинах чаще императорские зятья или сыновья), пансевастов (скорее, апеллятив, чем титул). Автократор, прежде чем стать главным официальным титулом византийского самодержавия, в VII в. упоминается лишь в контексте о власти соправителя применительно

---

³ *Theodoros Prodromos*. Historische Gedichte. Wien, 1974. N IV, V, IX–XIV u.a.

к «главному» императору (как правило, отцу при объявленных им соправителями сыновьях), а в VII–IX вв. не употреблялся вообще, но затем стал общеупотребительным.

«Кесарь», эмансипировавшись из имени собственного, с VII в. употребляется также лишь в контексте «соправления», обозначая как раз младших соправителей автократора; по крайней мере, с середины IX в. становится также придворным титулом, которым обладал самый влиятельный после самого императора человек, а подчас он становился и всесильным царедворцем, как например, кесарь Варда при дворе Михаила III. Императорский титул *princeps* остался в IV в., а категория *dominus* — δεσπότης употреблявшаяся Феодосием II и Валентинианом III, затем целиком переходит в сферу экклезиологии, ассоциируясь исключительно с Христом.

Если большинство римских государственных титулов, как видим, претерпело определенную мимикрию в изменяющихся условиях развития автократической идеологии, то иная судьба была уготовлена одному из последних названных выше императорских наименований — василевс. Связанный первоначально с библейскими царями Септуагинты, а также с преходящими царствами «государственной эсхатологии» в ранневизантийской историографии греческий термин передает в основном латинское понятие *rex*. Транслитерированный греческий термин «рекс» также будет употребим в византийской традиции, но в совершенно определенном историческом контексте. Лишь при Ираклии в начале VII в. «василевс» становится исключительно византийским императорским титулом, дополненным в это же время категорией μέγας βασιλεύς, т. е. «великий император» — относительно μικροὶ βασιλεῖς — «малых царей»-соправителей, и усиленный в 812 г. с оглядкой, очевидно, на Карла Великого, определением «василевс ромеев», т. е. император «римлян»-византийцев. Характерно, однако, что если обратиться к текстам, собранным в серии *Acta conciliorum oecumenicorum* и имеющим латинские переводы к греческим оригиналам, то обнаружится: «василевс» переводится на латынь то как *princeps*, то как *augustus*, то *imperator*, то *dominus*, не имея того эксклюзивного статуса, каковой он обрел на Босфоре.

Парадигматический образ василевса формировался в Византии и благодаря атрибутам — прилагательным при упоминающемся

императоре — в актах ли, в панегириках ли, в церковных здравницах или в уличных аккламациях, которые составляли своего рода категориальный аппарат идеи императорской власти (*Kaiseridee*)⁴.

Если многие из этих определений имеют античную генетику, то особое значение в византийской потестарной идеологии получили христианские атрибуты правителя, правда, отнюдь не сразу. Уже в IV в. Грациан отказался от сакрального титула *pontifex maximus*, ассоциируемого с языческим культовым термином, но только Юстиниан I в *Edictum de recta fide* 551 г. обретет ту формулу в *intitulatio*, которая станет универсальной маркировкой вероисповедания носителя власти — *φιλῶχριστος* — Христороубец. И только его преемник Юстин II воспримет еще более категоричное определение — *fidelis in Christo* — πιστὸς τοῦ Χριστοῦ. Обе эти категории станут обязательными в течение всего византийского тысячелетия.

Идея божественного происхождения верховной власти, будучи сама по себе римским дериватом, обретает в условиях христианизации новый смысл и форму. Позднеантичная категория *divus* — θεῖος «божественный» уступает место в прооимионах императорских эдиктов, в легендах императорских печатей и монет — формуле ἐκ θεοῦ βασιλεὺς — *imperator ex Deo* — «император от Бога» (Юстин II, Юстиниан, затем Константин IV, Лев III и т. д.). Реальным воплощением этого принципа становится двухместный византийский императорский трон, одно из мест которого предназначено для осязаемого в проскинезе царя земного, другое — для умозрительного Царя Небесного.

Однако, возвращаясь к Константину Великому, отметим, что парадигма идеального правителя не была воспринята из позднеантичного арсенала в готовом виде. Осмелюсь утверждать, что идея верховной власти христианского императора была выстрадана Византией. Сошлемся в данной связи на наблюдения И. С. Чичурова⁵.

Христианская сакрализация идеи власти подчас приводит к неким раннехристианским уравнивательным реминисценциям: для

⁴ Rösch, G. ONOMA ΒΑΣΙΛΕΙΑΣ. Studien zum offiziellen Gebrauch der Kaisertitel in Spätantiker und frühbyzantinischer Zeit. Wien, 1978. S. 29ff.

⁵ Чичуров, И. С. Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской историографической традиции (IV – начало IX в.), В кн.: *Древнейшие государства на территории СССР. 1981. М., 1983. С. 64–65; Чичуров, И. С. Политическая идеология средневековья. Византия и Русь. М., 1990. С. 67–81.*

Агапита — создателя своего рода «Царского зеркала» для Юстиниана — император есть *σύνδουλος* — «со-раб» Божий, так же как в общем и все подданные, заверяет диакон Великой Церкви⁶. Идея христианского смирения вырабатывается в связи со становлением православной идеи власти в обстановке борьбы с императорами-иконоборцами. Иоанн Дамаскин, идеолог того, что Г.-Г. Бек определил как «политическая ортодоксия»⁷, понимал «благочестие» (*εὐσέβεια*) как православие. «Не гордись ни происхождением, ни властью, — рассуждает он: император, помни о ничтожности своего существования и о том, что и у богатого и у бедного — один праотец. Подданные, как и сам император, — все со-рабы Господа»⁸.

Итак, «благочестие», столь нехарактерная категория государственной системы в самоопределениях времен Константина I, получает широкое распространение в императорской титулатуре V–VII вв., становясь официальным «титолом» при Льве I, который принимает еще и новый царственный атрибут — «боговенчаный» после того, как в 457 г. он был первым из василевсов венчан на царство константинопольским патриархом в столице — элемент в императорском ритуале, ставший затем *condition sine qua non* понятия легитимности власти. С середины VI в. церемония должна была происходить непременно в столичном храме св. Софии.

Номинально сохранившиеся традиционные виды народных ассамблей и представительства различных народных слоев в системе византийской власти⁹ претерпели в целом принципиальные изменения.

Прежде всего, изменения касаются городского самоуправления, которое фактически упраздняется в X в. Новеллой 46 Льва VI Мудрого, отменившей привилегии и обязанности куриалов, юридически завершается тем самым полисный период истории.

Византийские корпорации, теоретически восходившие к античным *collegia*, на практике ограничивались общностью функций

---

⁶ *Agapetus*. *Expositio capitum admonitoriorum*, in: *Migne, J.P. Patrologiae cursus completus. Series Graeca*. Т. 86. 1865. Col. 1184 D.

⁷ *Beck, H.-G.* *Das byzantinische Jahrtausend*. München. 1978. S. 78–79; *Beck, H.-G.* *Byzantinistik heute*. Athen, 1976.

⁸ *Чичуров, И. С.* Политическая идеология. С. 26–27.

⁹ *Лебедева, Г. Е.* Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л., 1980.

производства и реализации ремесленной продукции, не скрепляя членов квази-цехов корпоративной идеологией и юридической защитой. Сведения о них, как известно, содержатся в «Книге епарха» X в., фиксирующей состояние константинопольской социальной организации после возрождения города после «урбанистической катастрофы» VII в. и периода стагнации VIII–IX вв. После VI в. практически нет надежных свидетельств о полисной собственности.

Византийская община, как городская, так и сельская, судя по «Земледельческому закону», не превратилась в устойчивый, экономически и социально сплоченный коллектив. Поэтому тексты не содержат данных о систематических «народных собраниях».

Зато в классической и поздней Византии наблюдается активизация микроструктур — прежде всего, семьи, неформальных группировок (в частности, интеллектуалов), клириков и монахов¹⁰. Монастырь в Византии также приобретает индивидуалистическую окраску: киновия уступает место келлиотству (идиоритму), открывая простор для индивидуального подвига.

Но начиная с XI–XII вв. гентильные связи вновь, как в ранневизантийскую эпоху, становятся ощутимыми, прежде всего в аристократической среде новой, медиевальной, знати. Ее представители первыми обретают патронимы (фамильные имена), выделяющие, прежде всего, их из других слоев общества. На первый план в эпоху Комнинов выходит семейный клан, объединяющий в достаточно узком кругу государственную элиту¹¹.

Итак, византийские социальные институты, в том числе всякого рода народные собрания, камуфлируются, как правило, античными наименованиями. Византийские ипаты, однако, не имели никаких реальных точек соприкосновения с римскими консулами, как и византийская «герусия» — со спартанским советом старейшин или римским сенатом, как и монастырские «старцы», чей совет определял игумена в тот или иной монастырь Афона. Новые правовые понятия оформлялись в римских традиционных юридических терминах, как и новые политические

---

¹⁰ Kazhdan, A., Constable, G. People and power in Byzantium. Washington D. C., 1982. P. 19 sq.

¹¹ Каждан, А. П. Социальный состав господствующего класса Византии. М., 1974. С. 260–265.

и социальные события описывались с помощью фраз и образов Гомера, Аристотеля или Фукидида.

Информация о статье

Бибиков, М. В. Римские традиции и эволюция социальных структур в Византии, В кн.: *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего нового времени*. 2022. Вып. 6(2). С. 20–28.

Михаил Вадимович Бибиков, д-р ист. наук, проф., гл. научн. сотрудник, Института всеобщей истории РАН, зав. кафедрой византийской и новогреческой филологии (119991, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М. В. Ломоносова, д.1. стр. 51)

mbibikov@mail.ru

Автором статьи проведен анализ категорий власти социальной номенклатуры Византии, унаследованной от традиций римского цезаризма, эллинской социальной терминологии и христианской идеи мироустроения. Кроме того, рассмотрены: изменение первоначальных значений категорий «ипат», «понтифик», «август», «кесарь» в средневековом словоупотреблении; возникновение новых титулов; аристократизация господствующего слоя; клан в структуре византийских элит; титул «василевс» в системе византийской идеи власти; христианизация политической номенклатуры; судьба народных собраний, общин, корпораций в Византии.

Ключевые слова: август, кесарь, понтифик, элиты, тугулатура, Византия, общины, корпорации

Information on the article

Bibikov, M. V. Roman Traditions and Development of Social Structures in Byzantium, in: Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture, 2022. Vol. 6(2). P. 20–28.

Mikhail Vadimovich Bibikov, Doctor of Sciences, professor, Chief scientific employee, Head of the Department of Byzantine and Modern Greek Philology, Moscow State University, the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Department of Byzantine and Modern Greek Philology (119991, Moscow, Leninskiye Gory, Moscow State University, 1, build. 51)

mbibikov@mail.ru

Research of power categories in the social nominations in Byzantium, that went back to the traditions of Roman caesarism, Hellenic social terminology and Christian conceptions of the world structure is carried out by the author of the article. Moreover, the change of the primordial meanings of such categories as hypatos,

pontifex, Augustus, Caesar in compare with their medieval senses; origin of new titles; aristocratization of ruling groups; the clan in the structure of Byzantine elites as well as the title «basileus» in it, Christianization of the political nomenclature, and fate of people's assemblies, communities and corporations in Byzantium are discussed.

Key words: August, Caesar, pontiff, elites, tutulature, Byzantium, communities, corporations

Список источников и литературы / Refences

Agapetus. Expositio capitum admonitorioium, in: Migne, J. P. *Patrologiae cursus completus*. Series Graeca. T. 86. 1865. Col. 1164-1165B2.

Beck, H.-G. Das byzantinische Jahrtausend. München: Beck, 1978. 332 S.

Beck, H.-G. Byzantinistik heute. Berlin: de Gruyter, 1977. 40 S.

Heisenberg, A. Die Byzantinistik nach dem Weltkrieg und ihre Ziele, in: *Actes du IIIe Congrès International des Etudes Byzantines*. Athènes, 1932. P. 66–72.

Rösch, G. ΟΝΟΜΑ ΒΑΣΙΛΕΙΑΣ. Studien zum offiziellen Gebrauch der Kaisertitel in Spätantiker und frühbyzantinischer Zeit. Wien: Akademie-Verlag, 1978. 179 S.

Podskalsky, G. Byzantinische Reicheschatologie. Die Periodisierung der Weltgeschichte in der vier Grossreichen (Daniel 2 und 7) und dem Tausendjährigen Friedensreiche (Apok. 20). München: Wilhem Fink, 1972. XII, 114 p.

Theodoros Prodromos. Historische Gedichte. Wien, 1974. 605 S.

Лебедева, Г. Е. Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. 166 с.

Kazhdan, A., Constable, G. People and power in Byzantium. Washington, DC: Center for Byzantine Studies, 1982. 218 + xxi p.

Каждан, А. П. Социальный состав господствующего класса Византии. М.: Наука, 1974. 295 с. = *Kazhdan, A. P.* Social'nyj sostav gospodstvujushhego klassa Vizantii [The social composition of the ruling class of Byzantium]. Moskva: Nauka, 1974. 295 s. (in Russian)

Чичуров, И. С. Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской историографической традиции (IV – начало IX в.), В кн.: *Древнейшие государства на территории СССР. 1981*. М.: Наука, 1983. С. 5–146. = *Chichurov, I. S.* Mesto «Hronografii» Feofana v rannevizantijskoj istoriograficheskoj tradicii (IV – nachalo IX v.) [The place of Theophan's «Chronography» in the early Byzantine historiographical tradition (4 – early 9th centuries)], in: *Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. 1981*. Moskva: Nauka, 1983. S. 5–146. (in Russian)

Чичуров, И. С. Политическая идеология средневековья. Византия и Русь. М.: Наука, 1990. 173 с. = *Chichurov, I. S.* Politicheskaja ideologija srednevekov'ja. Vizantija i Rus' [Political ideology of the Middle Ages. Byzantium and Rus']. Moskva: Nauka, 1990. 173 s.